

УДК 82.9

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-69-3-161-167

ГРАНИЦЫ ИСТОРИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РОМАНИСТИКЕ (В. ШАРОВ, Л. УЛИЦКАЯ, Д. БЫКОВ, Е. ВОДОЛАЗКИН)

© Елена Сергеева, Ксения Сундукова

BOUNDARIES OF THE HISTORICAL IN MODERN RUSSIAN NOVELISTICS (V. SHAROV, L. ULITSKAYA, D. BYKOV, E. VODOLAZKIN)

Elena Sergeeva, Ksenya Sundukova

The article discusses the tendency to problematize the place and role of man in great history, which is observed in a number of texts by modern authors. Reflection on the reliability of historical knowledge, which comes into conflict with the authentic perception of the individual, generates specific plots and images. Thus, the main character of V. Sharov's novel "The Old Girl" "turns around" and begins to "live back" after her husband's arrest in 1937; D. Bykov offers a number of alternative events in Russian history, which in the context of the artistic integrity of the novel turn out to be either a forgotten truth ("Spelling"; "X"), or one of the characters' fiction ("Justification"); the protagonist of E. Vodolazkin's novel "The Aviator" resurrects an early 20th-century Russia and himself in his notes; artistically rethinking the biography of the Christian righteous Oswald Rufeisen, L. Ulitskaya creates the illusion of the documentary in her novel "Daniel Stein, Translator". These works about the Russian history of the 20th century possess the features of poetics that are not characteristic of the historical novel genre, in particular they are: 1) the work with historical prototypes and their mythological reception in the public consciousness and literature; 2) the important role of fantastic elements in plot construction; 3) problematization of the boundaries of the fictional and the documentary through the complication of the narrative structure; 4) gravitation towards the metanovel genre (reflection on the creative act). Thus, it can be stated that in modern Russian novelistics, there is a clear tendency to problematize the boundaries of historical discourse and a shift towards mythopoetics.

Keywords: modern Russian novelistics, historical discourse, fantastic elements in plot construction, boundary of the fictional and the documentary, metanovel, V. Sharov, L. Ulitskaya, D. Bykov, E. Vodolazkin

В статье рассматривается тенденция к проблематизации места и роли человека в большой истории, наблюдающаяся в ряде текстов современных авторов. Рефлексия над достоверностью исторического знания, которое входит в конфликт с аутентичным восприятием личности, порождает специфические сюжеты и образы. Так, у В. Шарова в романе «Старая девочка» героиня после ареста мужа в 1937 году «поворачивает» и начинает «жить назад»; Д. Быков предлагает ряд альтернативных событий отечественной истории, которые в контексте художественного целого оказываются то забытой правдой («Орфография», «Икс»), то вымыслом одного из героев («Оправдание»); герой романа Е. Водолазкина «Авиатор» воскрешает Россию начала XX века и себя самого в своих записках; Л. Улицкая, художественно переосмысливая в романе «Даниэль Штайн, переводчик» биографию христианского праведника Освальда Руфайзена, создает иллюзию документальности. В такого рода произведениях о русской истории XX века наблюдаются черты поэтики, не свойственные жанру исторического романа, в частности: 1) работа с историческими прототипами и их мифологизирующей рецепцией в общественном сознании и литературе; 2) фантастические элементы как основа сюжетостроения; 3) проблематизация границ фикционального и документального через усложнение повествовательной структуры; 4) тяготение к жанру метаромана (рефлексия о творческом акте). Таким образом, можно констатировать, что в современной отечественной романистике отчетливо наблюдается тенденция к проблематизации границ исторического дискурса и смещение в сторону мифопоэтики.

Ключевые слова: современная отечественная романистика, исторический дискурс, фантастические элементы в сюжетостроении, граница фикционального и документального, метароман, В. Шаров, Л. Улицкая, Д. Быков, Е. Водолазкин

Наступление нового века всегда является символическим рубежом, чертой, которая создает некую дистанцию по отношению к прошлому, воспринимаемому теперь не как длящийся континуум настоящего, а как завершенная эпоха. К началу XXI века культура подошла с большим багажом рефлексии о достоверности истории, о больших исторических нарративах, о роли и статусе документа, в том числе личных воспоминаний. Стоит привести в этой связи хотя бы имена исследователей Мишеля Фуко [1], Поля Рикёра [2], Алана Мегилла [3].

Неудивительно, что отечественная романистика начала XXI века стремится переосмыслить драматические события XX столетия российской истории и проблематизировать место и роль человека в ней. Однако традиционные для этих целей жанры исторического романа пушкинского или гоголевского типа и романа-эпопеи толстовского типа оказываются невостребованными. Герой произведения больше не может быть объективным «свидетелем истории», поскольку его аутентичное восприятие опыта собственной жизни принципиально недостоверно, а иногда и недоступно исследователю-потомку.

Мы согласны с теми исследователями, которые склонны интерпретировать тексты современных авторов об историческом опыте с помощью введенной Марианой Хирш категорией «постпамяти» [4], которая «позволяет говорить о разрыве между двумя поколениями, она, в отличие от истории, обладает обязательной глубокой эмоциональной вовлеченностью в тот опыт, который пережило поколение отцов» [5].

Чтобы проникнуть в суть недавней, советской, истории, писатели более склонны обращаться к фантастике и мифотворчеству, усложнению повествовательной структуры произведения, проблематизируя таким образом границы исторического. На примере ряда текстов последних десятилетий можно сформулировать общие черты поэтики и философии современной исторической романистики. В данной статье мы рассмотрим эти тенденции на материале романов Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» [6], В. Шарова «Старая девочка» [7], Е. Водолазкина «Авиатор» [8] и Д. Быкова (романы «О-трилогии» [9] и «И-трилогии» [10–12]).

Первой чертой, объединяющей перечисленные произведения, можно назвать работу с историческими прототипами и их мифологизирующей рецепцией в об-

щественном сознании и литературе. Ярким примером такого подхода стали две трилогии Дмитрия Быкова. «О-трилогия» («Оправдание», «Орфография», «Остромов»), по выражению самого автора, размышление о «...загадке русского двадцатого века. Разрешить ее, вероятно, не в человеческих силах, но думать о вариантах поведения в советском мире приходится все равно...» [9, с. 6]; в предисловии к последнему роману «И-трилогии» («Икс», «Июнь», «Истребитель») автор заявляет, что это его «последнее обращение к советской истории», так как он «объяснил себе ее феномен» [12, с. 8]. Для этого писателю потребовалось осуществить сложный жанровый синтез.

Героями произведений Быкова, что типично для исторического романа, чаще всего являются частные лица, чья жизнь «оказывается неразрывно связанной с меняющейся исторической ситуацией» [13, с. 88]. Таков, например, журналист Ять из романа «Орфография», живущий в Петрограде 1918 года и на своем жизненном пути встречающий хорошо узнаваемых исторических деятелей, выведенных в романе под вымышленными, но легко дешифруемыми именами. Исследователями неоднократно обсуждалась возможность соотнесения персонажей романа с реальными историческими фигурами: нарком Чарнолуский соотносим с А. В. Луначарским, Несеин – с С. А. Есениным, Льговский – с В. Б. Шкловским, Корнейчук – с К. И. Чуковским, Хламида – с М. Горьким и т. д. Да и сам Ять, как сообщает автор в послесловии (которое приведено не во всех изданиях романа), имеет реальный прототип: это прозаик, критик, журналист, автор ряда фантастических рассказов и нескольких романов Виктор Яковлевич Ирецкий (Ириксон) [14].

Тот же прием использован и в романе «Истребитель»: здесь действует журналист Бровман (прототипом его, согласно авторскому предисловию, стал журналист-правдист Лазарь Бронтман), вокруг фигуры которого объединяются летчики-герои Волчак (ассоциированный с В. П. Чкаловым), Канделаки (прототип – В. К. Коккинаки), Гриневицкий (С. А. Леваневский).

В романе «Июнь» узнаваемо, но под чужими именами выведена история возвращения в СССР и ареста семьи Марины Цветаевой и ряда других реальных лиц. Судьбы и характеры всех этих героев в большей или меньшей степени отличаются от судеб их прототипов.

«Зазор» между прототипом и персонажем увеличивается за счет постмодернистской игры – действие происходит часто не столько в описываемом историческом прошлом, сколько в пространстве чужого текста (яркий пример – использование сюжета новеллы А. Гайдара «Голубая чашка» со сменой повествовательной перспективы в начале романа «Истребитель»). Установка на «историчность», адекватность изображения реалий эпохи заменяется на игру с читателем, которому, очевидно, предлагается не историческая действительность, а откровенно сконструированная модель, для которой возможны разного рода фантастические допущения. Например, полная отмена орфографии в 1918 году и организация, а впоследствии – уничтожение и забвение Елагинской коммуны, которое в прологе к «Орфографии» непротиворечиво вписывается в реальный исторический контекст как попросту забытое событие, о котором не сохранилось свидетельств. В «Иксе» загадка авторства романа «Пороги» писателя Шелестова (в котором без труда угадывается двойник Михаила Шолохова) решается при помощи фантастического допущения – ранения и амнезии.

Такая игра на грани исторического и фикционального – шаг вперед по сравнению с первым романом «О-трилогии» «Оправдание», где все фантастические домыслы и факты альтернативной истории в финале объявляются заблуждением главного героя – Рогова. Недоразумение, произошедшее в детстве с матерью Рогова, принявшей звонок постороннего за возвращение своего отца, репрессированного десять лет назад, заставляет молодого человека собирать случаи, когда в 1948 году разные люди имели таинственные телефонные разговоры с давно исчезнувшими родственниками, которые обещали зайти и передать им нечто, но так и не появлялись. Герой реконструирует в своем сознании истории этих людей, в том числе возвращение Исаака Бабеля и даже его встречу с Ильей Эренбургом. Он предполагает, что произошедшие в стране репрессии были призваны «просеять» весь народ, отобрать наиболее сильных духом и использовать их как специальных агентов советской власти. Однако в поисках доказательств своей гипотезы Рогов погибает. Повествователь акцентирует внимание на заблуждении героя: в его сознании происходит замена одного мифа другим. Однако в читательском восприятии концепция Рогова – миф Рогова – обладает существенной убедительностью, она значима и как попытка объяснения большого террора, и как свидетельство передаваемой из поколения в поколение травмы, разрушающей

сознание нескольких поколений советских граждан. Так на уровне поэтики романов Быкова происходит преодоление границ официального исторического нарратива, деконструкция тех мифов, на которых базируется официальная история. Это соответствует декларируемой Ст. Львовским задаче исторической прозы – «расшатывать конвенциональные и порождать новые исторические нарративы за счет вовлечения аудиторий в эмоциональные отношения с прошлым делает историческую прозу предметом непосредственного интереса публичной истории» [15, с. 114].

Еще одна значимая черта поэтики большинства рассматриваемых романов – фантастические элементы как основа сюжетостроения.

Рефлексия над историческим мифом тесно связана в современной романистике с использованием фантастических допущений. Это могут быть не слишком значимые эпизоды – как у Дмитрия Быкова в романе «Истребитель», когда экипаж Гриневецкого, совершающий полет через Северный полюс, пропадает, уходя словно бы в другую реальность.

Но более репрезентативны произведения, в которых фантастические допущения становятся основой сюжета. Так, в романе Е. Водолазкина «Авиатор» главный герой, молодой интеллигент Иннокентий Платонов, попавший на Соловки в конце 20-х годов, стал частью жестокого эксперимента – заморозки на много лет – и пробужден к жизни через 70 лет, на излете XX столетия. Потерявший память герой по совету своего лечащего врача начинает вести дневник, с помощью которого восстанавливает воспоминания о своей жизни и который завещает своей нерожденной еще дочери. Буквальный смысл «преодоления времени» (фантастическое воскрешение героя в будущем) дополняется метафизическим смыслом: память героя, воплощенная в дневнике, воскрешает ушедший в прошлое мир и простирается в будущее. Таким образом, герой преодолевает время как «буквально» (будучи перенесен в будущее), так и метафизически – память героя, воплощенная в дневнике, воскрешает ушедший в прошлое мир и простирается в будущее.

В романе В. Шарова «Старая девочка» мы видим еще более радикальную игру со временем. Потеряв в 1937 году в результате репрессий мужа, главная героиня романа Вера Радостина, чтобы воскресить счастливое прошлое, начинает читать свои дневники, и тем самым запускает время вспять, в буквальном смысле уходя в прошлое (что реализовано в ряде фабульных ходов и образов). Это становится предметом интереса для

НКВД и истолковывается его сотрудниками как опасное для Советской власти действие, могущее (в том случае, если за Верой по ее пути последуют и другие граждане) привести к разрушению страны. Чтобы взять под контроль этот процесс ухода в прошлое и остановить героиню, органы пытаются определить конечный пункт ее движения и ошибочно предполагают, что Вера возвращается в прошлое для того, чтобы встретиться с кем-то, кого любила прежде. Сотрудники НКВД планируют вычислить и арестовать всех людей, которые были близки с Верой, собрать их в каком-то месте и держать до того момента, когда можно будет, расставив как верстовые столбы на пути в прошлое, каждого в свое время «предъявить» Вере. Именно эти действия НКВД и составляют большую часть сюжета романа: допросы арестованных, сличение их показаний, выяснение того, в каких отношениях каждый из них находился с Верой, а затем организация под Воркутой особого объекта – то ли лагеря, то ли секты «апостолов Веры», где собраны все, с кем героиня была связана и где каждый заключенный живет надеждой на то, что Вера в своем движении в прошлое придет именно к нему.

Память главной героини, воплощенная в дневнике, предстает как мощная сила, трансформирующая реальность. В романе создается сложноорганизованная временная структура, ключевую роль в которой играет образ дневника героини, который, как карта, позволяет перемещаться в пространстве ее жизни.

Заметим, что сюжеты всех романов В. Шарова строятся на фантастических допущениях. Например, в романе «До и во время» [16] герой попадает в психиатрическую лечебницу, бывшую раньше научно-исследовательским институтом по изучению проблем гениальности. Институт закрыт, однако его подопытные остались жить в лечебнице и делятся с главным героем своим тайным знанием пружин великих исторических событий XX века. Так, выясняется, что истинные движущие силы русской революции – не марксизм, а «Философия общего дела» философа-космиста Николая Федорова. А композитор Скрябин в начале XX века создает свою поэму «Мистерия», которая должна при ее исполнении привести к апокалипсису и перерождению человечества. Вообще каждый роман В. Шарова – попытка создать национальный миф.

В статье, посвященной романам В. Шарова, исследователь А. Эткинд замечает: «Постсоветский роман сознательно дистанцируется от традиций реализма. Постсоветский роман не имитирует социальную реальность и не конкурирует с психологическим романом – он имитирует исто-

рию и борется с ней. В свое время я определил этот творческий метод как магический историзм» [17, с. 288–289]. Считаем, что это определение можно отнести и ко всем нами текстам.

Следующую черту, присущую рассматриваемым произведениям, можно определить так: проблематизация границ фикционального и документального через усложнение повествовательной структуры.

Рассмотрим это на примере романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», где сложные отношения факта и документа являются важным аспектом построения художественного целого произведения.

Биография католического монаха-кармелита Освальда Руфайзена, выведенного в книге под именем Даниэля Штайна, на первый взгляд представляет собой сложную совокупность документов и документальных свидетельств: писем, выдержек из дневников, текстов проповедей, телеграмм, вырезок из газет, врачебных заключений, рапортов, расшифровок диктофонных записей разговоров и так далее. Казалось бы, продолжают эту художественную логику письма самой Людмилы Улицкой к переводчице Елене Костюкович (в книге шесть таких писем, в конце каждой из частей и в главе 18 пятой части). В письмах отражен процесс работы над романом («Начала писать роман, или как это там называется» [6, с. 122]), отражены моменты выбора стратегии работы с документами и с прототипами. Так, читаем: «Я попытаюсь на этот раз освободиться от удавки документа, от имен и фамилий реальных людей, которых можно уязвить, причинить им вред, но сохранить то, что имеет „нечастное“ значение. Я меняю имена, вставляю своих собственных, вымышленных или полувывмышленных героев, меняю то место действия, то время события...» [Там же, с. 123]. С помощью этих писем создается образ автора произведения, в них соображения о героях книги и их образах перемешаны с сообщениями о фактах авторской биографии, например о появлении на свет внука.

Эта переписка – а точнее (как читатель понимает потом) иллюзия переписки – сохраняется до конца романа, когда восприятие читателя меняет послесловие, в котором Улицкая указывает на различие между реальностью и миром романа. Читатель понимает, что герои, свидетельствами жизни которых были все эти многочисленные документы, не существовали: «Кроме тех героев, которых я придумала, по сей день живы истинные ученики и друзья подлинного Даниэля» [Там же, с. 517]. Таким образом, как замечает исследователь С. А. Григорь, «конец книги высту-

пает в роли „антиначала“, переосмысляющего всю систему кодирования текста. Переписка оказывается всего лишь рамочным компонентом романа» [18, с. 100].

В романе «Авиатор» Е. Г. Водолазкина мотив документа, дневника также играет чрезвычайно важную роль. Вначале герой именно с помощью дневника осваивается в новом для него мире и воскрешает свои воспоминания. Субъективность дневникового повествования позволяет Платонову вызывать к жизни мелочи, ассоциации, запахи, которые для героя важнее революции, свидетелем которой он является. Е. Водолазкин писал: «„Авиатор“ – это роман о другой истории: истории чувств, фраз, запахов, звуков, которые по большому счету не менее важны, чем великие события» [17]. Во второй части дневники множатся: за перо, по просьбе Платонова, берутся и его возлюбленная Настя, и доктор Гейгер (ход несколько искусственный, однако свидетельствующий о важном идейном и композиционном значении мотива дневника).

Именно благодаря писанию дневника разрозненные картинки-воспоминания в сознании Платонова выстраиваются в нарратив его жизни – в отдельных своих поворотах неожиданный как для читателя, так и для самого героя. Платонов не раз обращается к воспоминаниям о той ночи, когда был арестован профессор Воронин, не раз описывает отталкивающее поведение доносчика Зарецкого, многократно останавливает взгляд на статуэтке Фемиды, которая, как потом выясняется, стала орудием убийства Зарецкого, однако осознание того, что он и есть убийца, приходит к герою лишь в конце романа. Таким образом, Платонов на протяжении всего текста являет собой фигуру ненадежного нарратора. Только в записях Насти, появляющихся на последних страницах романа, впервые открыто проговаривается, что именно Иннокентий убил Зарецкого (а память его блокировала эти травмирующие воспоминания).

Одной из распространенных и, на наш взгляд, важнейших в плане архитектоники эстетического объекта черт рассматриваемых произведений является тяготение к жанру метаромана, связанное с рефлексией о творческом акте.

Романы Быкова отличаются сложной композицией: состоящий из нескольких крупных частей («Июнь») или же ряда небольших эпизодов («Икс») текст представляет собой репрезентацию сознаний разных героев, некоторые из которых будто бы наделены тайным знанием о мире. Таковы Логинов, путешествующий в параллельный мир – Капоэру, Крастышевский, убежденный, что может словом разжечь или остановить миро-

вую войну, Дехтерев, обладающий властью преодолевать нецелостность, разорванность чужого сознания. Подобные фрагменты, укладываясь в наши размышления о фантастическом, при внимательном прочтении заставляют задуматься и о статусе излагаемых событий. Логинов и Крастышевский изображены с явной авторской иронией, тем не менее в романе есть и свидетельства их правоты. Герой последней части романа «Июнь» Крастышевский убежден, что может создать текст, обладающий огромной силой воздействия на прочитавшего его. Он перечисляет черты такого текста, и становится ясно, что чертами текста-внушения обладает и сам роман. Это позволяет рассматривать его как поэтологический. Возникает определенная двойственность в восприятии предлагаемой фантастической концепции мира и истории – она может быть прочитана читателем и как истинная, и как ложная.

Повествование в романе Шарова «Старая девочка» выстроено парадоксально. При чтении первых глав читатель убежден, что имеет дело со «всезнающим» нарратором толстовского типа, который ведет повествование, излагая позицию самой Веры и ведущих ее дело следователей Ерошкина и Клеймана, а также некоторых апостолов Веры. Однако роман завершается написанным полностью от первого лица воспоминанием некоего молодого человека, нашего современника, о знакомстве с Верой. Из этого фрагмента читатель с удивлением понимает, что все это время имел дело с диегетическим повествователем, или рассказчиком, которого также можно отнести к кругу «людей Веры», поскольку он, как и многие другие герои романа, был в нее влюблен, хоть и познакомился с ней в раннем детстве. Из разговора с дочерью Веры рассказчик узнает, что той давно нет на свете, она пришла в исходную точку своей жизни и была похоронена «как невинный младенец». Оказывается, что весь роман с его многочисленными подробностями и сложной системой точек зрения – это интерпретация рассказчика.

Текст романа «Старая девочка» построен как дробление единой памяти о неких событиях Веринной жизни, связанных в первую очередь с травматической потерей мужа, которая распределяется между несколькими разобщенными сознаниями других героев, каждый из которых наделен некой частью знания о Вере, принципиально неполной. Вера как носитель ее собственной памяти и обладатель карты-дневника, в своем пути во времени назад приходит к истоку: к Богу. На уровне сюжетного развертывания романа, двигаясь к Богу по карте своих воспоминаний, Вера движется и навстречу рассказчику,

фактически являющемуся автором (Создателем!) текста, который мы читаем. Роман заканчивается встречей героини и автора, в результате рождается завершенная история о ее жизни. Этот способ прочтения романа как поэтологического снимает «наивные вопросы» по поводу реалистичности изображенных в романе событий, позволяя концептуализировать судьбу героини – ровесницы века, а по сути – историю России XX века.

Подытожим:

Рефлексия над достоверностью и аутентичностью исторического знания, которое входит в конфликт с аутентичным восприятием личности, рождает специфические черты поэтики, не свойственные жанру исторического романа, в частности: активное присутствие в сюжете элементов фантастики; игра в документальность (имитация дневника, письма, телеграммы, газетных жанров, врачебных заключений, рапортов и пр.), имитация мнемонического дискурса, как следствие – появление ненадежного нарратора; обращение художника к поэтологическим формам организации произведения. То есть поэтика всех этих романов строится на проблематизации границ исторического дискурса и смещении в сторону мифопоэтики.

Список источников

1. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2020. 416 с.
2. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр.: И. И. Блауберг и др. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 725 с.
3. Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. М. Тимонина: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
4. Hirsh M. The Generation of Postmemory // Poetics today. Vol. 29. № 1. P. 103–128. URL: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/poetics_today-2008-hirsch-103-28.pdf (дата обращения: 29.06.2022)
5. Сафронова Ю. А. Историческая память. Введение. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2019. 220 с.
6. Улицкая Л. Е. Даниэль Штайн, переводчик. М.: Эксмо, 2007. 528 с.
7. Шаров В. А. Старая девочка. М.: Текст, 2020. 446 с.
8. Водолазкин Е. Г. Авиатор. М.: АСТ. Редакция Елены Шубиной, 2018. 410 с.
9. Быков Д. Л. Оправдание: роман, Орфография: Опера в трех действиях; Остроумов, или Ученик Чародея: пособие по левитации. М.: ПРОЗАиК, 2012. 992 с.
10. Быков Д. Л. Икс. М.: АСТ. Редакция Елены Шубиной, 2021. 256 с.

11. Быков Д. Л. Июнь. М.: АСТ. Редакция Елены Шубиной, 2017. 510 с.
12. Быков Д. Л. Истребитель. М.: АСТ. Редакция Елены Шубиной, 2021. 576 с.
13. Малкина В. Я. Исторический роман // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 88.
14. Красина Е. А. Личные имена в романе Д. Быкова «Орфография»: персонажи и прототипы // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей, Витебск, 15–16 марта 2018 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2018. С. 236–239.
15. Львовский Ст. Историческая проза // Все в прошлом: теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 113–136.
16. Шаров В. А. До и во время. М.: ArsisBooks, 2009. 356 с.
17. Эткинд А. М. Шаров как историк // Владимир Шаров. По ту сторону истории: сборник статей и материалов. М.: НЛО, 2021. С. 288–289
18. Григорьев С. А. Фикциональное и фактуальное повествование в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiktionalnoe-i-faktualnoe-povestvovanie-v-romane-l-ulitskoy-daniel-shtayn-perevodchik> (дата обращения: 03.05.2022).
19. Визель М. Авиатор Водолазкин. Интервью. URL: <https://godliterary.ru/public-post/aviator-vodolazkin-intervyu> (дата обращения: 03.05.2022).

References

1. Fuko, M. (2020). *Arheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. 416 p. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya. (In Russian)
2. Rikyor, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Per. s fr.: I. I. Blauberger i dr. 725 p. Moscow, izd-vo humanit. lit. (In Russian)
3. Megill, A. (2007). *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Per. s angl. M. Kukartsevoi, V. Kataeva, V. Timonina. 480 p. Moscow, “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”. (In Russian)
4. Hirsh, M. *The Generation of Postmemory*. Poetics Today. Vol. 29. No. 1, pp. 103–128. URL: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/poetics_today-2008-hirsch-103-28.pdf (accessed: 29.06.2022). (In English)
5. Safronova, Yu. A. (2019). *Istoricheskaya pamyat'. Vvedenie* [Historical Memory. Introduction]. 220 p. St. Petersburg, izd-vo Evropeiskogo universiteta v Spb. (In Russian)
6. Ulitskaya, L. E. (2007). *Daniel' Shtain, perevodchik* [Daniel Stein, Translator]. 528 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
7. Sharov, V. A. (2020). *Staraya devochka* [The Old Girl]. 446 p. Moscow, Tekst. (In Russian)

8. Vodolazkin, E. G. (2018). *Aviator* [The Aviator]. 410 p. Moscow, AST. Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
9. Bykov, D. L. (2012). *Opravdanie: roman, Orfografiya: Opera v treh deistviyah; Ostromov, ili Uchenik Charodeya: posobie po levitatsii* [Justification: A Novel; Spelling: An Opera in Three Acts; Ostromov, or the Sorcerer's Apprentice: A Guide to Levitation]. 992 p. Moscow, PROZAiK. (In Russian)
10. Bykov, D. L. (2021). *Iks* [X]. 256 p. Moscow, AST. Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
11. Bykov, D. L. (2017). *Iyun'* [June]. 510 p. Moscow, AST. Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
12. Bykov, D. L. (2021). *Istrebitel'* [The Fighter]. 576 p. Moscow, AST. Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
13. Malkina, V. Ya. (2008). *Istoricheskii roman. Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [The Historical Novel. Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. Pod red. N. D. Tamarchenko. P. 88. Moscow, izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada. (In Russian)
14. Krasina, E. A. (2018). *Lichnye imena v romane D. Bykova "Orfografiya": personazhi i prototipy* [Personal Names in D. Bykov's Novel "Spelling": Characters and Prototypes]. *Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya: sbornik nauchnykh statei*, Vitebsk, 15–16 marta 2018 goda. Pp. 236–239. Vitebsk, Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova. (In Russian)
15. L'vovskii, St. (2021). *Istoricheskaya proza. Vsyo v proshlom: teoriya i praktika publichnoi istorii* [Historical Prose. Everything Is in the Past: Theory and Practice of Public History]. Pod red A. Zavadskego, V, Dubinoi. Pp. 113–136. Moscow, Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
16. Sharov, V. A. (2009). *Do i vo vremya* [Before and During]. 356 p. Moscow, ArsisBooks. (In Russian)
17. Jetkind, A. M. (2021). *Sharov kak istorik* [Sharov as a Historian]. Vladimir Sharov. Po tu storonu istorii: sbornik statei i materialov. Pp. 288–289. Moscow, NLO. (In Russian)
18. Grigor', S. A. (2011). *Fiktional'noe i faktual'noe povestvovanie v romane L. Ulitskoi "Daniel' Shtain, perevodchik"* [Fictional and Factual Narrative in L. Ulitskaya's Novel "Daniel Stein, Translator"]. *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiktionalnoe-i-faktualnoe-povestvovanie-v-romane-l-ulitskoy-daniel-shtayn-perevodchik> (accessed: 03.05.2022). (In Russian)
19. Vizel', M. *Aviator Vodolazkin. Interv'yu* [Aviator Vodolazkin. Interview]. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/aviator-vodolazkin-intervyu> (accessed: 03.05.2022). (In Russian)

The article was submitted on 22.07.2022

Поступила в редакцию 22.07.2022

Сергеева Елена Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
e.n.sergeeva@gmail.com

Сундукова Ксения Алексеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
avissimplex@gmail.com

Sergeeva Elena Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Samara National Research University,

34 Moskovskoye Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
e.n.sergeeva@gmail.com

Sundukova Ksenya Alekseevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Samara National Research University,

34 Moskovskoye Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
avissimplex@gmail.com